

СОЦИОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

*Т.Н. Юдина, Е.В. Фролова, Д.К. Танатова,
И.В. Долгорукова, О.В. Родимушкина*

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ВИКТИМНЫЕ ОПАСЕНИЯ

Статья посвящена анализу проблем обеспечения личной безопасности российских граждан. Рассмотрена специфика виктимных опасений населения, выявлены детерминанты, определяющие состояние безопасности личности. В статье анализируются социальные опасения граждан, особенности восприятия криминальных угроз различными группами населения. Методы исследования: количественный опрос населения во всех субъектах Российской Федерации (85 регионов), включая Республику Крым и Севастополь. Общий размер выборки составил 48800 респондентов.

Согласно результатам опроса, только чуть больше половины наших граждан чувствуют себя защищенными перед преступными

Юдина Татьяна Николаевна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского государственного социального университета (ioudinatn@mail.ru)

Yudina Tatyana — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology, Russian State Social University (ioudinatn@mail.ru)

Фролова Елена Викторовна — доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента и административного управления Российского государственного социального университета (efrolova06@mail.ru)

Frolova Elena — Doctor of Sociology, Professor, Department of Management and Administration, Russian State Social University (efrolova06@mail.ru)

Танатова Дина Кабдуллиновна — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Российского государственного социального университета

Tanatova Dina — Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Russian State Social University

Долгорукова Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского государственного социального университета (div0607@gmail.com)

Dolgorukova Irina — Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, Russian State Social University (div0607@gmail.com)

Родимушкина Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД России (O-ovr@yandex.ru)

Rodimushkina Olga — Candidate of Sciences (Law), Researcher, All-Russian Research Institute of the Russian Interior Ministry (O-ovr@yandex.ru)

посягательствами. Представления об изменениях безопасности жизни в стране по-разному складываются в различных социально-демографических группах населения. Так, среди респондентов возрастной группы старше 60 лет значительно выше доля респондентов, ощущающих в течение последних лет большую опасность. Для женщин также характерен более высокий уровень тревожности. Также наблюдается существенная дифференциация оценок в зависимости от уровня образования граждан. По результатам опроса, россияне больше всего обеспокоены благополучием семьи и будущим своих детей. Криминологические страхи оказались на четвертом месте в рейтинге тревог и опасений граждан. Основные проблемы связаны с тревогой из-за возможного посягательства на жизнь и здоровье родственников. Этот страх гораздо более выражен, чем опасения за собственную жизнь. Среди российских регионов территорией повышенной тревожности оказалась Москва. Почти по всем показателям московская статистика заметно превышает средневыборочные значения, наиболее высока здесь озабоченность экономическими угрозами. В сельских населенных пунктах страхи перед криминальными угрозами выражены несколько слабее. Подверженность страхам в значительной степени определяется силой или слабостью социальной позиции респондента, уровнем дохода, профессиональным статусом.

Ключевые слова: *виктимные опасения, криминальные угрозы, преступность, личная безопасность.*

Введение

Обеспечение личной безопасности граждан относится к числу наиболее приоритетных задач государства. В статье 2 Конституции РФ указывается, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». В современных российских условиях обеспечение личной безопасности граждан сопряжено с рядом проблем. «Экономический кризис, высокий уровень региональной дифференциации и неравенства доходов населения, распространение бедности, алкоголизма и наркомании, неконтролируемый приток мигрантов инициируют усиление криминальной напряженности в российском обществе» (Фролова и др. 2015: 525). В 2015 г. в нашей стране было зарегистрировано 2352,1 тыс. преступлений, что на 8,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 75 субъектах Российской Федерации. В результате преступных

посягательств погибло 32,9 тыс. человек, здоровью 48,8 тыс. человек причинен тяжкий вред. Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 436,49 млрд. руб., что на 24,9 % больше аналогичного показателя прошлого года. По сравнению с январем — декабрем 2014 г. на 3,7 % возросло число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 111,2 тыс. преступлений данной категории (Состояние преступности в России... 2015).

Сегодня специалисты в полной мере осознают, что обеспечение гарантий окончательного избавления от преступности и других форм девиантности представляется невозможным (Шипунова 2002: 128). При этом личная безопасность сегодня является ключевой стратегической задачей жизнеобеспечения общества, ее стержневой основой.

Анализ проблем безопасности личности сосредоточен на вопросах исследования внешних и внутренних факторов ее обеспечения, ключевых угроз (Возжеников 2000; Дробот 2010; Левашов 2002; Прохожев 1996). Многоаспектность категории «безопасность» детерминировала развитие научного дискурса в различных направлениях, в современных условиях достаточно актуальны исследования экономической безопасности (Карпушкин 2016; Пшеничникова 2008; Neocleous 2006), информационной (Тереев 2016; Фурса 2016), психологической (Гайдамашко 2015; Пацакула, Зайчикова, Хачикян 2016; Рикель, Тарасова 2016). Особый интерес представляют работы, исследующие виктимные опасения, страхи и угрозы личности в рамках социологии управления (Капто 2000; Кузнецов 2002; Ковалев 1998; Яновский 1999). Личность находится в фокусе практически всех опасностей, т. к. от любых деструктивных социально-политических, экономических, этнических и техногенных событий страдает именно человек (Сейдакматов 2012). В зарубежных исследованиях особое внимание уделяется вопросам обеспечения безопасности в условиях террористических угроз, дисфункций миграционной политики (Burgess 2009; Kumar 2013). Не менее значимы приоритеты обеспечения безопасности в области здравоохранения (Rushton 2011), особенно в условиях старения населения (Sheykhi Mohammad Taghi 2010; James, Bergman 2008).

Учитывая высокий уровень криминальной напряженности, особую актуальность приобретает поиск механизмов, формирующих такие социально-экономические, политические, правовые и иные условия, которые позволяют личности чувствовать себя полностью физически и социально защищенной (Фомина 2014: 153).

Методы исследования

На протяжении длительного времени (с 2009 г.) по заказу МВД России ежегодно различными научно-исследовательскими учреждениями (ФОМ, ВЦИОМ, РГСУ) проводятся социологические исследования с целью изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел по всем субъектам Российской Федерации. Инструментарий количественного опроса населения в субъектах Российской Федерации разрабатывается с учетом рекомендаций ФГКУ «ВНИИ МВД России». В ходе исследований проводятся количественные опросы населения в каждом субъекте Российской Федерации. В 2015 г. исследование проводилось в 85 регионах, включая Республику Крым и Севастополь. Опрашивалось население в возрасте от 18 лет и старше. Общий размер выборки составил 48800 респондентов (по 400 респондентов в населенных пунктах с численностью менее 400000 человек, по 600 респондентов в остальных субъектах РФ).

Во всех субъектах РФ применялись общие принципы построения выборки. Использовалась территориальная трехступенчатая стратифицированная выборка домохозяйств. Отбор домохозяйств проходил в три этапа. На первом этапе отбирались административные районы, на втором — населенные пункты, на третьем — домохозяйства.

Выборка территориальных единиц осуществлялась таким образом, чтобы репрезентировать сложившуюся структуру расселения городских и сельских жителей России по основным демографическим показателям (пол, возраст). Для определения социально-демографической наполненности выборки были взяты данные Госкомстата по половозрастному соотношению населения в каждом субъекте РФ старше 18 лет.

Отбор домохозяйств в населенных пунктах проводится случайным маршрутным методом. Для интервью в домохозяйстве отбирается один респондент. Отбор респондента проводится в соответствии с заданными квотами. Применяется связанная квота по полу и возрасту и отдельная квота по уровню образования. Квота по возрасту содержит пять градаций: а) 18 лет — 24 года, б) 25 лет — 34 года, в) 35 — 44 года, г) 45-59 лет, д) 60 лет и старше. Квота по образованию содержит четыре градации: а) высшее или незаконченное высшее образование, б) среднее специальное образование, в) среднее общее образование, г) ниже среднего образования.

Результаты исследований. Оценки уровня защищенности граждан

Ощущение личной защищенности граждан представляет собой, в первую очередь, комфортное состояние индивида, включенного в систему

общественных отношений. Результаты исследования показывают, что значительная часть респондентов (57 %), чувствуют себя в той или иной мере защищенными. Важно отметить, что мужчины в собственной защищенности более уверены, чем женщины (60 и 55 % соответственно), что объективно определяется их ролью в обществе — мужчинам присуща большая уверенность, а у женщин более выражены потребности в защите. Категорично настроенных граждан, ощущающих себя абсолютно незащищенными, почти в 3 раза меньше, чем тех, кто просто чувствует себя «скорее незащищенным, чем защищенным» — 10 % и 31 % соответственно.

Доля респондентов, положительно оценивающих уровень своей личной безопасности, значительно увеличилась по сравнению с замерами предыдущих лет. Так, в 2010 г. только 37 % граждан чувствовали свою защищенность от преступных посягательств на их жизнь, здоровье и имущество.

Респондентам также был задан вопрос: «По Вашему мнению, жить в Вашем регионе в последние год-два стало опаснее или безопаснее?». Полученные результаты в целом подтверждают положительные тенденции в сфере обеспечения личной безопасности граждан. Так, в 2015 г. 29 % дали позитивную оценку произошедшим изменениям, 47 % отметили, что ощущения в восприятии личной безопасности не изменились.

Проведенный анализ позволяет отметить ряд позитивных тенденций. Так, начиная с 2011 г., заметно снижается доля тех, кто отмечает возрастающую опасность жизни в стране (с 2009 по 2011 гг. наблюдался рост численности респондентов, отмечающих опасность жизни в стране). В 2015 г. она составила 41 %, что на 15 % меньше, чем в 2011 г. Кроме того, на 23 % увеличилась доля граждан, считающих, что жизнь в России в последние год-два становится безопаснее. Очевидное снижение численности граждан, затрудняющихся дать однозначную оценку по этому показателю, свидетельствует о возрастающей зрелости общественного мнения.

Представления об изменениях безопасности жизни в стране по-разному складываются в различных социально-демографических группах населения. Так, среди респондентов в возрастной группе старше 60 лет значительно выше доля респондентов, ощущающих в течение последних лет большую опасность. Для женщин также характерен более высокий уровень тревожности. Также наблюдается существенная дифференциация оценок в зависимости от уровня образования граждан. Ощущение того, что жить стало безопаснее, присуще большей доле людей с высшим образованием, чем со средним образованием и ниже.

Рейтинг социальных рисков и криминальных угроз и особенности их восприятия различными группами населения

По результатам опроса, россияне больше всего обеспокоены благополучием семьи (49 %) и будущим своих детей (42 %). Примерно треть опрошенных боится болезней (33 %). Криминологические страхи не занимают самых первых мест в рейтинге тревог и опасений граждан, однако они достаточно существенны — 20 % респондентов указали, что часто испытывают тревогу из-за возможного посягательства на жизнь и здоровье родственников. Этот страх немного более выражен, чем опасения за собственную жизнь («боюсь, что меня убьют или покалечат» — 13 %). Также беспокоит россиян экономическая безопасность. Разорения и нищеты опасается каждый пятый опрошенный (20 %), примерно такой же процент страшится потерять работу (21 %). Беспокоит россиян также возможность потерять имущество в результате ограбления, кражи или мошенничества — 16 %, вследствие пожара, технической аварии — 16 %. Что касается страхов, основанных на критичном отношении к органам власти и полиции, то они не относятся к числу наиболее часто упоминаемых. Опасаются произвола со стороны чиновников 7 % опрошенных, произвола со стороны сотрудников полиции — также 7 %.

В целом наблюдается снижение уровня беспокойства граждан по ряду ключевых показателей. В первую очередь, несколько меньше россиян стало опасаться за благополучие семьи (56 % в 2009 г. и 49 % в 2015 г.), будущее детей (61 % в 2009 г. и 42 % в 2015 г.). Снижается частота упоминания такого источника тревог и страхов, как болезни (45 % — в 2009 г., 33 % — в 2015 г.).

Однако на фоне кризисных явлений в российской экономике людей по-прежнему беспокоят вопросы экономической безопасности. Повысился уровень беспокойства по поводу возможности потерять работу (с 13 % в 2009 г. до 21 % в 2015 г.).

Источники тревог и беспокойства по-разному оцениваются представителями тех или иных социально-демографических групп. Закономерно, что страхи за будущее детей, боязнь болезней наиболее выражены в старших возрастных группах. Молодежь (респонденты в возрасте от 18 до 24 лет) в целом более оптимистична — вариант ответа «ничего не боюсь» встречается на 6 % чаще, чем в среднем по всей совокупности опрошенных. Молодые люди в меньшей степени обеспокоены социальными рисками («боюсь за благополучие семьи», «боюсь болезней» и др.), но, с другой стороны, именно в данной возрастной группе острее ощущаются криминальные угрозы.

Рис. 1. Особенности восприятия социальных рисков и криминальных угроз различными возрастными группами населения (в % от групп)

Предприниматели и руководители организаций в меньшей степени, нежели представители других профессиональных групп, чувствуют страхи по поводу болезней. Кроме того, в этой группе заметно больше, чем в среднем по выборке, тех, кто испытывает опасения по поводу произвола со стороны полиции и чиновников.

В сельских населенных пунктах страхи перед криминальными угрозами выражены несколько слабее: 16 % опасаются, что их близкие родственники могут быть убиты или покалечены (в среднем по России — 20 %), 11 % опасаются за свою жизнь и здоровье (в среднем по России — 13 %), 14 % боятся лишиться имущества в результате ограбления, кражи или мошенничества (в среднем по России — 16 %).

Среди российских регионов территорией повышенной тревожности оказалась Москва. Почти по всем показателям московская статистика заметно превышает средневыборочные значения, наиболее высока здесь озабоченность экономическими угрозами: боятся разорения, нищеты 29 % столичных жителей, потерять работу — 34 %. Выше уровень и ряда криминологических страхов: в Москве респонденты чуть больше, чем россияне в целом, страшатся пострадать в ходе межэтнических, межнациональных конфликтов (8 %, что выше средних значений на 4 п. п.). Однако надо отметить, что уровень тревожности по данному показателю

снижается (в 2012 г. каждый пятый житель Москвы (21 %) испытывал подобного рода страхи).

Рассмотрим категории преступных посягательств, вызывающих наибольшую тревогу граждан. Восприятие и оценка конкретных опасений отражают не только объективную реальность, но и определенный культурно-исторический опыт, систему ценностных ориентаций, ментальных установок, сложившихся в обществе (Шубкин, Иванова 2001: 348–358).

Наибольшая доля респондентов выражает беспокойство, связанное с возможностью стать жертвой пьяных водителей (65 %). Яркие выраженные опасения у граждан также вызывает опасность со стороны воров и хулиганов (56 % и 55 %), грабителей и вооруженных бандитов (55 %). Значительную долю опасений составляют преступные посягательства, связанные с возможностью угрозы со стороны мошенников и наркоманов (54 %). Рецидивистов и явных уголовников опасается 53 %. Боязнь угрозы со стороны людей с явными психическими отклонениями была отмечена у 51 % опрошенных, почти столько же (49 %) респондентов указали на опасность действий со стороны алкоголиков. Доля респондентов, опасющихся автоугонщиков, составила 45 %. Наименьшая доля респондентов высказывает опасения, связанные с посягательствами со стороны членов экстремистских молодежных движений (44 %), сексуальных насильников и мигрантов из других государств (40 %), бродяг (бомжей) и мигрантов из других регионов — по 40 % и 36 % соответственно.

По всем видам преступных посягательств наибольшее беспокойство стать жертвой противоправных действий выражала женская аудитория, полученные результаты были выше среднестатистических значений в целом.

Подверженность страхам в значительной степени определяется силой или слабостью социальной позиции респондента, уровнем дохода, профессиональным статусом. Самой уязвимой группой (чаще всего опасаются преступных посягательств) являются люди с низким уровнем дохода. Доля опасющихся по всем видам преступных посягательств в данной социальной группе гораздо выше общих средних значений. При этом первое место в рейтинге опасений вызывают противоправные действия водителей. Вторым по значимости выступают действия рецидивистов и явных уголовников, вооруженных бандитов, грабителей и наркоманов. На третьем месте представлены опасения воров и людей с явными психическими отклонениями.

Чувство опасности определяется также родом профессиональной деятельности респондента. В зависимости от социального положения наиболее уязвимой группой респондентов являются домохозяйки (не работающие и не планирующие искать работу), уровень опасения почти по всем видам преступных посягательств в данной группе выше, чем в остальных. Высока доля обеспокоенных преступными посягательствами респондентов в среде безработных (зарегистрированных на бирже труда). Меньшую долю обеспокоенных респондентов содержат группы служащих, технических исполнителей, а также рабочих, в том числе в сельском хозяйстве.

Основными возрастными группами, в которых выше доля респондентов, подверженных опасениям преступных посягательств, представлена людьми в возрасте от 18 до 24 лет и от 61 до 70 лет. В целом уровень тревожности в данных группах практически по всем видам противоправных посягательств выше средних показателей.

Динамика криминогенных страхов как реакция на криминальную активность социальных девиантов явно не выражена, однако в целом опасения граждан имеют небольшую тенденцию к снижению (рис. 2). По сравнению с предыдущим годом россияне стали меньше опасаться стать жертвой пьяных водителей, хулиганов, грабителей и мигрантов из других регионов. В этом отношении можно говорить о том, что криминальная активность населения (по этим социальным субъектам девиантного поведения) снижается.

Для *молодой категории респондентов* наиболее выражены опасения сексуальных насилий (респонденты отмечают данную опасность в 2 раза чаще, чем представители старшей возрастной группы). Также опасения молодежи связаны с действиями со стороны вооруженных бандитов, грабителей и членов экстремистских молодежных группировок.

Среди граждан в *возрасте от 61 до 70 лет* большая доля опрошенных боится стать жертвой пьяных водителей, вооруженных бандитов, грабителей и воров.

Региональная специфика восприятия криминогенных угроз

На уровне федеральных округов самые благополучные показатели уровня личной защищенности характерны для Крымского и Северо-Кавказского федеральных округов (рис. 3).

Наиболее благоприятная ситуация по субъективным оценкам уровня защищенности складывается в Северо-Кавказском ФО, три из семи регионов которого занимают первые позиции в списке наиболее благо-

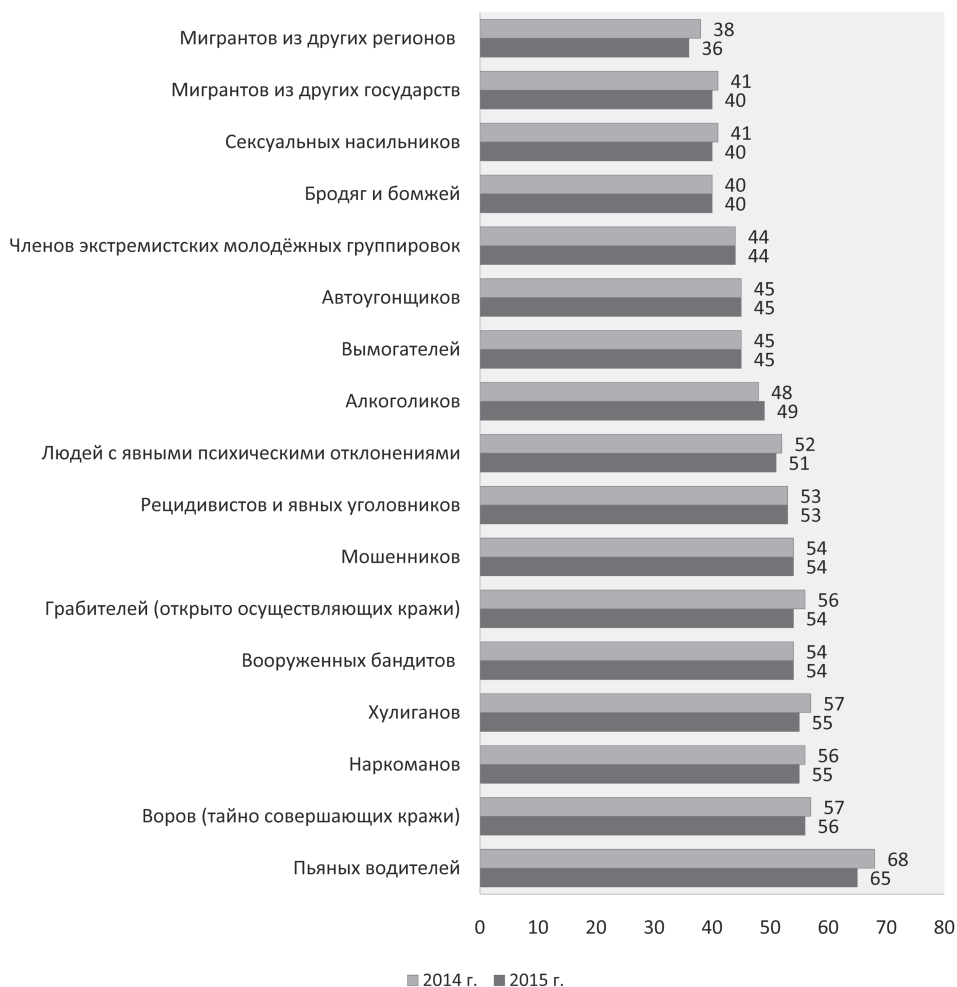

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли у Вас опасения, что Вы можете стать жертвой...?» / Позиции — «опасаюсь + скорее опасуюсь» (в % от общего числа опрошенных)

получных по анализируемому вопросу: Чеченская Республика (93 % чувствуют себя защищенными), Республика Северная Осетия-Алания (81 %), Карачаево-Черкесская Республика (77 %).

Эмпирические данные, иллюстрирующие восприятие криминальных угроз в регионах Северо-Кавказского федерального округа, связаны, в том числе, с «этнопсихологическими особенностями, детерминирующими высокую латентность составляющей преступности. Местные жители предпочитают решать возникающие проблемы уголовно-правового

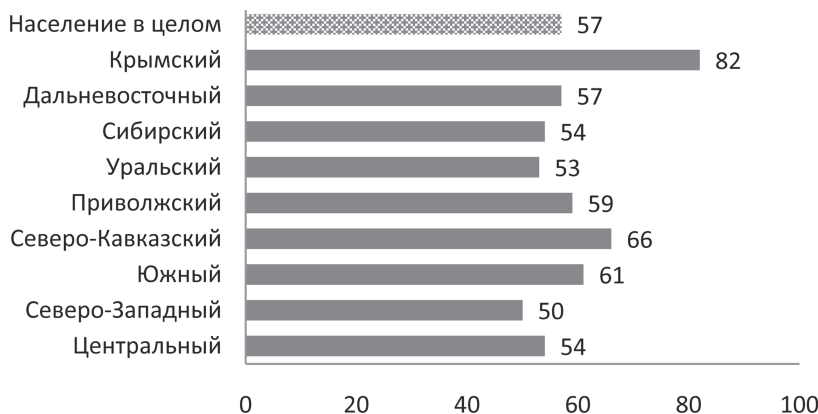

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Вы в целом чувствуете себя защищенным (-ной) или незащищенным (-ной) от преступных посягательств на Вашу жизнь, здоровье, имущество?» / Позиция «Защищенным (-ной)» (в % от общего числа опрошенных в федеральных округах)

характера самостоятельно, без участия правоохранительных органов» (Федоренко 2012: 186).

Если исключить из анализа Крымский ФО, где значения показателей наиболее отклонены от средних значений и иллюстрируют очень благоприятную картину, то по другим федеральным округам различия средних значений не слишком велики. В то же время уровень региональной дифференциации значений показателя более интенсивен и колеблется от минимальных 2 % (доля респондентов, чувствующих себя менее защищенными за последнее время) в Чеченской республике до 36 % респондентов в Сахалинской и Томской областях.

Региональные различия в уровне тревог криминогенной природы являются достаточно закономерными и связаны с дифференциацией социально-экономического развития российских территорий. В результате дисбаланса в регионах существует огромный разрыв в условиях занятости населения, его уровне и качестве жизни. На сегодняшний день успешно развивается только небольшая часть регионов, большинство являются дотационными. Отметим, что доминирующей тенденцией развития современной России является формирование биполярных условий регионального развития: с одной стороны, концентрация инфраструктурных объектов в крупных центрах, инвестиционно привлекательных регионах, а с другой, расширение зон устойчивой депрессии в сельских поселениях, малых городах, отдаленных регионах. Масштабы дифференциации таковы, что они представляют для страны не только экономиче-

скую и социальную проблему, но и угрозу национальной безопасности (Фролова 2012: 59). Данные тенденции находят свое отражение в региональной специфике восприятия криминальных угроз.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что россияне в большинстве своем позитивно оценивают изменения уровня безопасности, произошедшие в их регионе за последние годы. Так, более половины опрошенных (54 %) считают, что в последние год-два жить стало безопаснее.

Показатели уровня криминологической тревоги в целом иллюстрируют тенденцию роста доли граждан, чувствующих свою защищенность от преступных посягательств на их жизнь, здоровье и имущество с 37 % в 2010 г. до 57 % в 2015 г. Оценки уровня личной безопасности определяются такими факторами, как уровень доходов, возраст, пол, род деятельности.

По результатам опроса, россияне больше всего обеспокоены благополучием семьи (49 %) и будущим своих детей (42 %). Примерно треть опрошенных боится болезней (34 %).

В целом, можно отметить снижение уровня беспокойства граждан по ряду ключевых показателей. В первую очередь, россияне стали меньше опасаться за благополучие семьи, будущее детей. Однако вопросы экономической безопасности не утратили своей актуальности, а по ряду показателей стали тревожить россиян в большей степени, нежели в 2013 г. Повысился уровень беспокойства респондентов по поводу возможности потерять работу.

По результатам опроса, виктимные опасения россиян чаще всего связаны с возможностью стать жертвой пьяных водителей (68 %). Яркие выраженные опасения у граждан также возникают со стороны действий вооруженных бандитов, грабителей, воров, рецидивистов и явных уголовников. Значительную долю опасений составляют преступные посягательства, связанные с возможностью угрозы со стороны хулиганов и наркоманов. Уровень тревожности по отдельным видам преступных посягательств детерминирован социально-экономическими особенностями респондентов.

Литература

Возжеников А.В. *Национальная безопасность: теория, политика, стратегия*. М: НПО «Модуль», 2000.

Гайдамашко И.В., Жемерикина Ю.И., Пугачева Е.В. Безопасность личности в контексте ее психической устойчивости. *Евразийский союз ученых*, 2015, 2-4 (11): 112–114.

Дробот Г.А. Человек как субъект угроз международной безопасности (антропология безопасности). *Вестник Московского университета*, 2010, Сер. 12: Политические науки, 4: 21–24.

Капто А.С. Генезис и становление культуры мира. *Безопасность Евразии*, 2000, 1: 100.

Карпушкин В.В. Экономическая безопасность личности. *Актуальные научные исследования в современном мире. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции*. Научно-издательский центр «Мир науки», Издательская Къща «СОРОС», 2016: 220–224.

Ковалев В.Н. Социальная безопасность населения: концепция и методы мониторингового наблюдения. *Социология. Социальность. Современность*. Вып. 4. — 4.2. Социальное развитие современной России: проблемы и перспективы. М.: Союз, 1998.

Кузнецов В.Н. *Социология безопасности: Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе*. М.: Республика, 2002. (Сер. «За Нашу и Вашу безопасность»).

Левашов В.К. Глобализация и социальная безопасность. *Социологические исследования*, 2002, 3: 19–28.

Пацакула И.И., Зайчикова И.В., Хачикян Е.И. Психологическая безопасность личности в контексте учета психологической сущности угроз. *Успехи современной науки*, 2016, 7(11): 75–77.

Прохожев А.А. *Национальная безопасность: основы теории, сущность, проблемы*. М.: РАГС, 1996.

Пшеничникова В.А. Социальная безопасность как фактор развития качества жизни населения региона. *Регионология*, 2008, 3: 197–203.

Рикель А.М., Тарасова Л.В. Является ли безопасность условием благополучия личности? *Векторы психологической безопасности современного общества: доверие и субъективное благополучие. Материалы VII международного симпозиума*. Гуманитарный университет; Российское психологическое общество; Российская академия образования, 2016: 17–21.

Сейдакматов Н.А. Безопасность личности, общества и государства. *Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики*, 2012, 2: 144–149.

Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015. *Министерство внутренних дел России: сайт*. [<https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/2/>]. Дата доступа 1.12.2016.

Тереев Э.Н. Информационная безопасность личности в современном российском обществе. *Противодействие идеологии экстремизма в образовательной среде. Материалы международной научно-практической конференции*, 2016.

Федоренко С.А. Криминологический анализ общих тенденций преступности на территории Северо-Кавказского федерального округа. *Актуальные проблемы современной науки. Всероссийская научно-практическая конференция.* Северо-Кавказский гуманитарно-технический институт Северо-Кавказский государственный технический университет Филиал ВНИИ МВД России в г. Ставрополе, 2012: 185–189.

Фролова Е.В. Региональная дифференциация: роль социальной инфраструктуры. *Россия и современный мир.* 2012, 4: 49–61.

Фомина А.С. О принципах государственно-правового механизма обеспечения личной безопасности. *Ленинградский юридический журнал,* 2014, 4: 153–159.

Фролова Е.В., Медведева Н.В., Сеничева Л.В., Бондалетов В.В. Защищенность граждан от преступных посягательств в современной России: основные тенденции и детерминанты. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права,* 2015, 9(3): 525–537.

Фурса И.А. Информационная безопасность личности в контексте цивилизационных вызовов современности. *Вестник ВЭГУ,* 2016, 4(84): 137–144.

Шипунова Т.В. Преступность несовершеннолетних и превентивные стратегии. *Журнал социологии и социальной антропологии,* 2002, 4(20): 112–128.

Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи, тревоги, способность противостоять им. *Россия: трансформирующееся общество.* М., 2001: 348–358.

Яновский Р.Г. *Глобальные изменения и социальная безопасность.* М.: Asademia, 1999.

Burgess J.P. (2009) There is No European Security, Only European Securities. *Cooperation and Conflict,* 44(3): 309–328.

Mohapatra N.K. (2013). Migration and Its Impact on Security of Central Asia. *India Quarterly,* 69(2): 133–157.

Neocleous M. (2006) From Social to National Security: On the Fabrication of Economic Order. *Security Dialogue,* 37(3): 363–384.

Rushton S. (2011) Global Health Security: Security for whom? Security from what? *Political Studies,* 59(4): 779–796.

Sheykhi Mohammad Taghi. (2010) Safety and Security of Older Persons in Tehran, Iran: A Sociological Appraisal of Elder Abuse. *The International Journal of Aging and Human Development.* 2010, 71(2): 139–152.

James A., Bergman JD. (2008) The Crisis in Retiree Health Benefits. *Journal of Aging & Social Policy,* 2008, 2(3–4): 153–168.

HUMAN SECURITY AND FEAR OF VICTIMIZATION

Tatyana Yudina^{a*}, Elena Frolova^b, Dina Tanatova^a,
Irina Dolgorukova^a, Olga Rodimushkina^c

^a Department of Sociology, Russian State Social University, Moscow, Russia;

^b Department of Management and Administration, Russian State Social University, Moscow, Russia;

^c All-Russian Research Institute of the Russian Interior Ministry, Moscow, Russia.

Citation: Yudina T.N., Frolova E.V., Tanatova D.K., Dolgorukova I.V., Rodimushkina O.V. (2017) Bezopasnost' lichnosti i viktimnyye opaseniya [Human Security and Fear of Victimization]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(1): 114–127 (in Russian).

Abstract. The article is devoted to the analysis of problems of ensuring personal security of the Russian citizens. The authors examine the specifics of victimization concerns of the population, identify determinants of personal security. The article analyzes the social anxieties of citizens, the perception of criminal threats by various groups of population. Research methods: a quantitative survey of the population in all subjects of the Russian Federation (85 regions), including the Republic of Crimea and Sevastopol. The total sample size was 48 800 respondents. According to the results of the survey, only slightly more than half of Russian citizens feel protected before criminal encroachments. The representations about changes in life safety differ in various social and demographic groups of the population. Thus, among respondents in the age group over 60 years the proportion of respondents who feel a great danger in recent years is much higher. Women are also characterized by a higher level of anxiety. Also there is a significant differentiation of assessments depending on the level of education of citizens. According to the results of the survey, Russians are mostly concerned about the well-being of the family and the future of their children. Criminological fears occupy the fourth place in the rating of anxieties and fears of citizens. The main problems are associated with anxieties concerning possible encroachment on the life and health of relatives. This fear is much more pronounced than fears for one's own life. Among the Russian regions Moscow became a territory of heightened anxiety. Almost in all respects Moscow statistics are much higher than the average sample values, the highest concern here is related to economic threats. In rural settlements, fears of criminal threats are somewhat weaker. Exposure to fears is largely determined by the strength or weakness of the respondent's social position, income level, and professional status.

Keywords: fear of victimization, criminal threats, crime, personal security.

References

Burgess J.P. (2009) There is no European Security, only European Securities. *Cooperation and Conflict*, 44(3): 309–328.

Drobot G.A. (2010) Chelovek kak sub'yekt ugroz mezhdunarodnoy bezopasnosti (antropologiya bezopasnosti) [Man as a subject of threats to international security (anthropology of security)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta Ser. 12: Politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow University, Series 12 «Political Science»], 4: 21–24 (in Russian).

Fedorenko S.A. (2012) Kriminologicheskii analiz obshchikh tendentsiy prestupnosti na territorii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga [Criminological analysis of general crime trends in the North Caucasus Federal District]. *Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Actual problems of modern science. All-Russian scientific-practical conference]. Severo-Kavkazskiy gumanitarno-tekhnicheskii institut Severo-Kavkazskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet Filial VNII MVD Rossii v g. Stavropole, 185–189.

Fomina A.S. (2014) O printsipakh gosudarstvenno-pravovogo mekhanizma obespecheniya lichnoy bezopasnosti [On the principles of the state-legal mechanism for ensuring personal security]. *Leningradskiy yuridicheskii zhurnal* [Leningrad Law Journal], 4: 153–159 (in Russian).

Frolova E.V. (2012) Regional'naya differentsiatsiya: rol' sotsial'noy infrastruktury [Regional differentiation: the role of social infrastructure]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 4: 49–61 (in Russian).

Frolova E.V., Medvedeva N.V., Senicheva L.V., Bondaletov V.V. (2015) Zashchishchennost' grazhdan ot prestupnykh posyagatel'stv v sovremennoy Rossii: osnovnyye tendentsii i determinant [The protection of citizens

* Corresponding author. E-mail: ioudinatn@mail.ru.

from criminal encroachments in modern Russia: the main trends and determinants]. *Kriminologicheskij zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law], 9(3): 525–537 (in Russian).

Fursa I.A. (2016) Informatsionnaya bezopasnost' lichnosti v kontekste tsivilizatsionnykh vyzovov sovremennosti [Information security of the individual in the context of civilization challenges of our time]. *Vestnik VEGU* [Bulletin of VEGU], 4(84): 137–144 (in Russian).

Gaydamashko I.V., Zhemerikina Yu.I., Pugacheva E.V. (2015) Bezopasnost' lichnosti v kontekste yeye psikhicheskoy ustoychivosti [Personal security in the context of her mental stability]. *Yevraziyskiy soyuz uchenykh* [The Eurasian Union of Scientists], 2–4 (11): 112–114 (in Russian).

James A., Bergman JD. (2008) The Crisis in Retiree Health Benefits. *Journal of Aging & Social Policy*, 2008, 2(3–4): 153–168.

Kapto A.S. (2000) Genezis i stanovleniye kul'tury mira [Genesis and the formation of a culture of peace]. *Bezopasnost' Yevrazii* [The security of Eurasia], 1: 100 (in Russian).

Karpushkin V.V. (2016) Ekonomicheskaya bezopasnost' lichnosti. Aktual'nyye nauchnyye issledovaniya v sovremennom mire [Economic security of the individual. Actual scientific research in the modern world]. *Materialy Mezhdunarodnoy (zaochnoy) nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Materials of the International (correspondence) scientific-practical conference]. Nauchno-izdatelskiy tsentr «Mir nauki», Izdatelska K'shcha «SORoS»: 220–224 (in Russian).

Kovalev V.N. (1998) Sotsial'naya bezopasnost' naseleniya: kontseptsiya i metody monitoringovogo nablyudeniya. Sotsiologiya. Sotsial'nost'. Sovremennost' [Social security of the population: the concept and methods of monitoring. Sociology. Sociality. Modernity]. Vyp. 4.–4.2. *Sotsial'noye razvitiye sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy* [Social development of modern Russia: problems and prospects]. M.: Soyuz (in Russian).

Kuznetsov V.N. (2002) *Sotsiologiya bezopasnosti: Formirovaniye kul'tury bezopasnosti v transformiruyushchetsya obshchestve* [Sociology of Security: Forming a culture of security in a transforming society]. M.: Respublika, (in Russian).

Levashov V.K. (2002) Globalizatsiya i sotsial'naya bezopasnost' [Globalization and social security]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya* [Sociological research], 3: 19–28 (in Russian).

Mohapatra N.K. (2013). Migration and Its Impact on Security of Central Asia. *India Quarterly*, 69(2): 133–157.

Neocleous M. (2006) From Social to National Security: On the Fabrication of Economic Order. *Security Dialogue*, 37(3): 363–384.

Patsakula I.I., Zaychikova I.V., Khachikyan E.I. (2016) Psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti v kontekste ucheta psikhologicheskoy sushchnosti ugroz [Psychological security of the individual in the context of taking into account the psychological essence of threats]. *Uspekhi sovremennoy nauki* [The successes of modern science], 7(11): 75–77 (in Russian).

Prokhozhev A.A. (1996) *Natsional'naya bezopasnost': osnovy teorii, sushchnost', problem* [National security: the foundations of the theory, essence, problems]. M.: RAGS (in Russian).

Pshenichnikova V.A. (2008) Sotsial'naya bezopasnost' kak faktor razvitiya kachestva zhizni naseleniya regiona [Social security as a factor in the development of the quality of life of the population of the region]. *Regionologiya* [Regionology], 3: 197–203 (in Russian).

Rikel' A.M., Tarasova L.V. (2016) Yavlyayetsya li bezopasnost' usloviyem blagopoluchiya lichnosti? [Is security a condition for the well-being of the individual?] *Vektory psikhologicheskoy bezopasnosti sovremennoy obshchestva: doveriye i sub'yektivnoye blagopoluchiye. Materialy VII mezhdunarodnogo simpoziuma* [Vectors of psychological security of modern society: trust and subjective well-being. Materials of the VII International Symposium]. Gumanitarnyy universitet; Rossiyskoye psikhologicheskoye obshchestvo; Rossiyskaya akademiya obrazovaniya, 17–21 (in Russian).

Rushton S. (2011) Global Health Security: Security for whom? Security from what? *Political Studies*, 59(4): 779–796.

Seydakmatov N.A. (2012) Bezopasnost' lichnosti, obshchestva i gosudarstva [Security of the individual, society and the state]. *Izvestiya Natsional'noy Akademii nauk Kyrgyzskoy Respubliki* [Proceedings of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic], 2: 144–149 (in Russian).

Sheykhi Mohammad Taghi. (2010) Safety and Security of Older Persons in Tehran, Iran: A Sociological Appraisal of Elder Abuse. *The International Journal of Aging and Human Development*. 2010, 71(2): 139–152.

Shipunova T.V. (2002) Prestupnost' nesovershennoletnikh i preventivnyye strategii [Juvenile delinquency and preventive strategies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 5(4): 112–128 (in Russian).

Shubkin V.N., Ivanova V.A. (2001) Strakhi, trevogi, sposobnost' protivostoyat' im [Fears, anxieties, the ability to resist them]. *Rossiya: transformiruyushcheyesya obshchestvo* [Russia: a transforming society]. М.: 348–358 (in Russian).

Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2015 [The state of crime in Russia for January-December 2015] *Ministerstvo vnutrennikh del Rossii* [The Ministry of Internal Affairs of Russia: site], [<https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/2/>]. Accessed at 01.12.2016 (in Russian).

Vozzhenikov A.V. (2000) *Natsional'naya bezopasnost': teoriya, politika, strategiya* [National security: theory, policy, strategy]. М: NPO «Modul'» (in Russian).

Yanovskiy R.G. (1999) *Global'nyye izmeneniya i sotsial'naya bezopasnost'* [Global change and social security]. М.: Academia (in Russian).